

20 ОКТ 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Главная заповедь бытия

Сегодня Игорю Олеговичу Горбачеву — 60. Известный актер, режиссер, художественный руководитель одного из старейших театров страны — Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина. Мысли не только и не столько о пройденном, сколько о грядущем и в сущности совсем не юбилейным тревожат сегодня юбиляра. Об этом и ведем мы речь с Героем Социалистического Труда, народным артистом СССР И. ГОРБАЧЕВЫМ.

— «Все мы, собравшиеся здесь, представляем собой врачей, окруживших постель больного искусства, в печальном положении которого виноват не кто другой, как сами — его врачи. Теперь на нашей обязанности лежит прежде всего труд исследования тех из наших ошибок, которые привели наше искусство к одру его болезни; на совести каждого из нас лежит обязанность, откинув ложный стыд, ложное самозабвение, откровенно сознаться в своих ошибках и смело взглянуть в лицо врагу, дружным коллективом изыскать средства борьбы с ним». Эти горькие, но честные слова сказаны давно, ими начал свое выступление на первом Всероссийском съезде сценаристов и артистов 11 марта 1897 года замечательный художник русского театра Александр Павлович Ленский. Я намеренно привожу эту мало кому известную цитату, потому что, как ни трудно и больно мне, актеру и режиссеру, в этом признаться, она и сегодня звучит как нельзя более актуально. Меня, естественно, особенно беспокоит положение в русском театре и драматургии. Тем более что многие театры наших братских республик уже поддают нам пример постоянной и плодотворной работы по созданию в драматургии и на сцене самобытных, ярких, интересных национальных характеров, справедливо видя в этом одну из главных задач театрального искусства. Мы же вдруг как будто забыли, что вот на этой самой многострадальной русской земле веками складывались, развивались, мучались в битвах с иноземными захватчиками своеобразный национальный характер — идревле гордость и опора России. И что стремление раскрыть в своем творчестве этот характер, показать широту и полноту творчества русской души, духовную красоту и талантливость русского человека, его ум, трудолюбие, честность, доверчивость, совесть, его всегрядную готовность протянуть руку помощи другим народам, доброту и вместе с тем железную стойкость, мужество, героизм при защите родной земли — Отчизны — важнейшая, благороднейшая цель для всякого истинного советского художника.

Вспомним, как много труда, таланта, ума и сердца вложили великие русские писатели для воссоздания в литературе нашего национального характера — от безвестного автора «Слова о полку Игореве» до наших современников Шолохова и Твардовского. То же и в русском театре, и в драматургии. Причем во времена не столь уж и отдаленные. Драматургия выдвигала героев, действительно являвшихся героями своего времени.

Героев тех пьес — безавестных строителей новой жизни — никак невозможно было спутать с людьми какой-либо другой страны. По

своему образу жизни, по своим делам, устремлениям, мышлению это были люди советские, родившиеся и живущие при социализме, достойно продолжавшие дело отцов и дедов.

Сегодня не скрываются на упреки в адрес драматургии. То и дело слышишь расхожую фразу: «Драматургия отстает от жизни». Удобная формулировка: с одной стороны — смелая констатация факта, а с другой — ничего-де особо страшного в этом нет, нагонит. А если все гораздо серьезнее? Если некоторые драматурги отстали уже — там, что сблизил с пути? Мне скажут — ну уж это слишком пессимистично... Да ведь я и говорю о пессимизме. О той волне пессимизма, которая бушевала захлестнула современную драматургию. Оговорюсь сразу, я вовсе не хочу сказать, что это относится ко всем драматургам. Но минорная тональность отчетливо чувствуется в общем потоке. Я считаю, что это большая беда. Пора остановиться, задуматься, спросить у подобных авторов: откуда такая болезненная тяга к изображению людей мелких, душевно убогих, пассивных? Есть они, конечно, в нашей жизни, но разве они ее определяют?

Да, нам очень нужен серьезный, взволнованный разговор о недостатках, необходима критика, но честная критика во имя созидания. Великий русский поэт, гражданин Н. А. Некрасов писал: «Любовь к Отечеству заключается прежде всего в глубоком, страстном и не бесплодном желании ему добра и просвещения...», в горячем сочувствии ко всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию. Негативных фактов в иных пьесах хоть отбавляй, а вот «благородного негодования» против них, «небеспокойного желания добра» своим героям явно мало. Так, некая реалистическая, якобы беспристрастная картина с натуры. При этом складываются на традиции русской литературы, на Чехова в частности. Но чеховская печаль имеет другие истоки, она идет от обиды за человека, от высоких моральных требований к нему, от веры в светлое будущее России. И уж если зашла речь о традициях русской литературы, то никогда она не была пессимистической, не свойствен ей этот порок. Одно дело, когда из души художника рвется искренне: «не могу молчать», рожденное его великой любовью к народу, и совсем другое — равнодушное копирование или, еще хуже, циничное любование пороком.

Русский театр всегда утверждал главную заповедь бытия: истинна, справедливость, добро в конечном итоге всегда торжествуют. Только ради утверждения веры в справедливость, в свой народ и свою страну, в торжество гуманистических идеалов и следует затевать

такое дорогостоящее удовольствие, как театр, только ради того, чтобы открыть в зрителе человека-гражданина, способного не только сочувствовать идеалам добра, но и активно бороться за их победу, стоит поднимать занавес.

Действие — вот чего не хватает современному герою. Однако многие критики выдвигают другой тезис: современному человеку свойственны раздумье, глубокие сомнения, неудовлетворенность собой. В полемике с деловыми людьми из пьес 70-х годов, тоже далеко не безупречными, критика нередко с упорством, право же, достойным лучшего применения, утверждает подчеркнуто неделового героя вроде Бузыкина из «Осеннего марафона». Я вообще считаю, что с театральной критикой у нас далеко не все в порядке. Хорошо, конечно, когда театр и критику связывает дружба, но только не дружба на основе взаимной комплиментарности. Еще прискорбей, когда группа критиков очерчивает круг «своих» театров, режиссеров, драматургов, и прости-прощай объективность. Не пора ли прекратить порочную практику, когда тесно связанные общими интересами люди походя решают, какой спектакль хвалить, и кому привлечь внимание, а кого старательно не заметить. В итоге дезориентируются зритель, драматург, театр.

— Но сам театр — разве нет за ним вины? — Мы в какой-то момент незаметно для себя утратили доверие зрителей, доверие к высокому авторитету театра, пошли на поводу «среднестатистического» вкуса, новомодных требований, легковесного успеха. Мы боролись за популярность, не жалели сил и не выбирали средств. Настоятельно убеждали себя, что публика ждет от театра лишь правдивую и карнавальную, так хотели быть понятными, приятными — вот уже не мы владели зрительным залом, а ситуация овладела нами. Мы не вели зрителя, а подлаживались к нему.

— Игорь Олегович, но театр и сегодня каздым делом встречает... зрителей. Понятно желание любого театра в любое время поставить, скажем, «Сирано де Бержерак». Однако без современной драматургии жизнь театра просто невозможна. Что делает ваш театр? Что ищете?

— Распространено мнение, что искусство должно лишь задавать вопросы. Безусловно, автор, зорко подмечивший, художественно осмысливший острый вопрос современности, привлекая к нему внимание, делает важное и полезное дело. Но только ли этим ограничивается предназначение искусства? Русский театр утверждает, что в его ведении и ответ на вопрос: искусство может научить зрителя, настаивать его, привить определенный взгляд на вещи, прояснить мысль, укрепить чувства.

Люблю и часто повторяю дневниковую

записку Достоевского: «В поэзии нужна страсть, нужна ваша идея и непременно указующий перст, страстно подымающий. Именно указующий перст, обязательно направленный в сторону добра, истины. Перст — как некий обобщающий вывод из непосредственных ощущений и размышлений о жизни. Ох, как иногда театр боится этого перста! Конечно, бояться излишней прямолинейности, тупой ортодоксальности, декларативности, плоских, примитивных суждений необходимо. Но это не упраздняет проблемы тенденциозного в искусстве в лучшем значении этого слова, которое имел в виду Достоевский.

Очень ценю книгу Н. Верковского «О мировом значении русской литературы». Он пишет: «В нашей литературе последний обьем всякого образа — страна и народ, а здесь заключены источники силы и свободы, здесь пути и выходы, неведомые одному, оторванному явлению. Русский способ изобразить всякое жизненное явление... «на миру», в общенародном кругу, «соборно» есть и способ наиболее поэтический». И сожаление, трудно эти слова отнести к современному театру. Действие большинства пьес происходит в стенах квартир, на дачах, на скамейках, на лестничных клетках, только не «на миру».

На Западе таков принцип существования человека в обществе, который всячески поощряется и пропагандируется. И лучшие из западных писателей показывают, как это уродует личность. А что хотят сказать наши? Неужели все-таки думаем, что, прививая к русскому корню болезни, ему не свойственные, встает вровень с классиками Запада? Давно очевидно, что там, где мы в творчестве пытаемся бежать за западными образцами, мы проигрываем. Только оставаясь самими собой, опираясь на традиции своего народа, раскрывая его душу и самобытность, мы становимся интересными и любимыми не только соплеменниками. Потому, что другие страны и народы прежде всего хотят познать и узнать наш великий народ. Ему не свойственны разрывы, отчужденность. У русского человека в крови та же жизнь в обществе, «на миру», это одна из существенных черт национального характера.

Вот что ищет наш театр в современной драматургии. И если находит, то не жалует ни сил, ни времени, чтобы довести пьесу до спектакля.

— И что же, находите?

— В самом конце прошлого сезона мы показали премьеру спектакля «Чужая нощь» по пьесе молодого драматурга Олега Перекланина. Суть конфликта в ситуации, сегодня легко узнаваемой: в канун выборов доверенное лицо председателя горисполкома отказывается представлять его кандидатом в депутаты. Эта в сущности газетная ситуация давала нам возможность сказать каждому, кто пришел в наш зрительный зал: от тебя самого зависит, быть ли тебе творцом великого дела или винтиком в бездушном механизме. Никому в этом мире не удастся избежать выбора. Перекалина, можно сказать, еще в начале своего писательского пути. Но его интересуют стихи жизни, ее обаяние, характер, в котором звучит время, и страсть постоять на своем. С молодыми драматургами театр обычно работает долго, ждет, подсаживает. Но по-другому драматурги не растут, пьеса проверяется только сценой.

Есть еще одно направление в сегодняшнем поиске театра, которое напрямую учит патристике, раскрывает национальный характер во всем его великом объеме. Это забытая столетней сценой историческая тема. Три года назад появился в нашем репертуаре спектакль «Фельдмаршал Кутузов». Ему и сегодня сопутствует успех. Но дорожке самых бурных аплодисментов та волна добрых, высоких чувств, которая рождается в зрительном зале.

В сложное мы живем время, многотрудное. Огромны направления перестройки. Но задача-то у нее одна: сильная и счастливая наша социалистическая Родина. Вот для этого театра и каждому человеку театра надобно жить и трудиться.

Вела беседа
Э. ГОРЧАКОВА.